И. ПАПАНИН
ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

НА ПОЛЮСЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ про полярников станции «Северный полюс — 1» (Папанин, Федоров, Кренкель, Ширшов), художественное описание их экспедиции (дрейф на льдине). Для дошкольного возраста.

-
-
-
- ЛЕТИМ!
- ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС!
- ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ
- КАНАЛ «МОСКВА — ПОЛЮС»
- «ОРЛЫ»
- ГОВОРИТ ПОЛЮС!
- НАШ ДОМ
- «ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ»
- МЕДВЕДИ
- ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК
- «ТРОЛЛЕЙБУС»
- БУРЯ
- ПОЛОСОЧКИ
- НА ОБЛОМКЕ
-
- Информация об издании

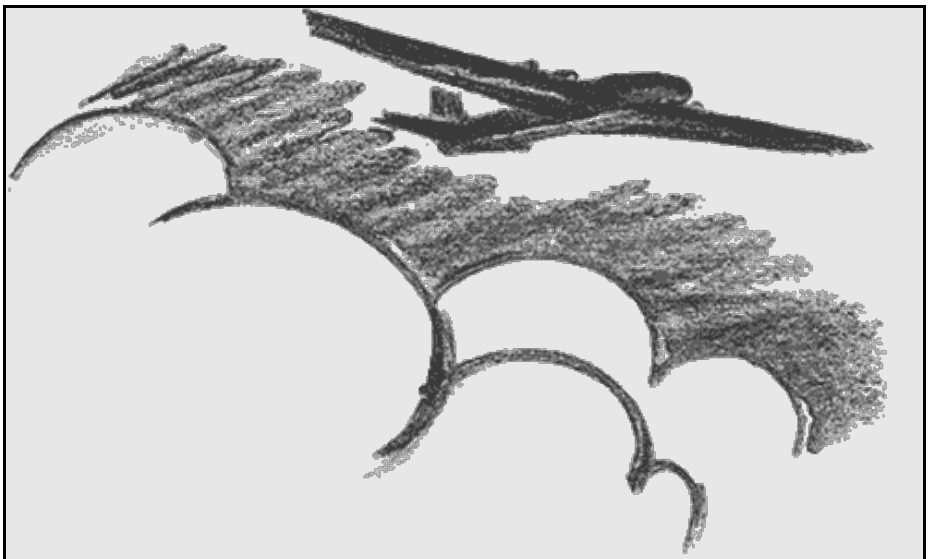
И. ПАПАНИН

Дважды Герой Советского Союза

НА ПОЛЮСЕ

Рисунки
Ф. РЕШЕТНИКОВА

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва · 1970



К ДЕТЯМ

Родные, милые ребята!

Радостно смотреть на вас! Вы живёте в такое счастливое время! А вот как вспомнишь своё детство, тяжело делается.

Я родился в городе Севастополе, на Чёрном море. Отец был матрос. Мать шила тяжёлые паруса в порту.

Восьми лет меня отдали в школу. Я был лучшим учеником. Учиться мне очень хотелось.

Но когда я окончил четыре класса, отец сказал:

— Придётся тебя, Ванюша, из школы забрать. За ученье каждый год надо платить по два рубля, где их взять? У меня ведь вас, сорванцов, шестеро да ещё три девчонки. Ступай работать, будь отцу помощником!

Делать нечего. Пришлось пойти на завод. Я учился на токаря. Тяжёлая была работа. Сперва был мальчиком на побегушках. Гоняли меня туда-сюда, а получал десять копеек в день. Ещё издевались. Бывало, скажут:

— Эй, малец, подай заклёпку!

Схватишь её, а она раскалённая. Я дую на обожжённые пальцы, а кругом смеются. Но токарем я всё-таки стал.

Потом меня забрали в царскую армию, матросом во флот. Жил в казарме. Казарма была как тюрьма. Вонь, грязь, кормили плохо. Матросов и солдат за людей не считали. В Севастополе, на

Приморском бульваре, висела надпись: «Нижним чинам (это нам то есть) не ходить и собак не водить». Если матрос или, например, солдат ехал в трамвае, он не имел права сидеть на скамейке. А если в вагон входил офицер, солдат должен был выйти на площадку. Офицеры ругали нас, издевались над нами.

Прибежал однажды младший братишка, полдня плакал под воротами, чтоб меня вызвали.

А когда я вышел к нему, он говорит:

— Ваня, мама умерла…

Он заплакал, и я заплакал.

Выпросил я в помощь трёх человек. Товарищи пошли копать могилу, а я остался стоять у гроба матери.

Я очень любил свою мать. Она была для нас радостью и опорой в жизни. Матери приходилось очень много работать. Помню, как она приходила с работы, начинала стирать, готовить обед, штопать, чинить, а рано утром, чуть свет, уже шла в порт на работу.

После похорон мы сразу вернулись в казарму.

Скоро кончилась тяжёлая жизнь. Пришла революция. Долой царя! Долой буржуев! Потом началась война с белыми. Они хотели над нами опять царя и генералов поставить.

Я долго воевал с белыми. Строил бронепоезда, был комиссаром, командиром… Много пришлось пережить опасностей.

Один раз я с товарищем забрался в тыл к белому генералу Врангелю. Мы организовали там красные партизанские отряды. Пора обратно, но выбраться было трудно. Меня положили в мешок и под видом мучного куля погрузили на пароход. Муку повезли в Турцию. Там я потихоньку вышел на берег. Двадцать один день шёл я пешком по горам. Одежда на мне порвалась; я превратился в нищего: просил в городах хлеба. Зато добрался до Советской России.

Доложил я командующему Южным фронтом товарищу Фрунзе о том, как сражались наши отряды в тылу у белых, — и снова к партизанам. Наш отряд помогал выгнать белогвардейцев из Крыма. За работу в тылу у белых я был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

Гражданская война окончилась. Я приехал в Москву учиться. А в 1925 году в первый раз организовал экспедицию на Север. Мы поехали в Якутию, на берега реки Алдан. Там я увидел, как много работы есть для советского человека на Севере. Потом я стал начальником полярной станции на Земле Франца-Иосифа. Так называются Острова в Северном Ледовитом океане.

Но мне всё хотелось забраться как можно дальше на Север, к полюсу. И в 1937 году моя мечта исполнилась.

Я стал начальником зимовки на Северном полюсе. Мы с товарищами вчетвером прожили на льдине девять месяцев. Нас послала туда Родина, партия. Это задание мы выполнили с честью, и Родина наградила нас всех званием Героя Советского Союза и орденами Ленина.

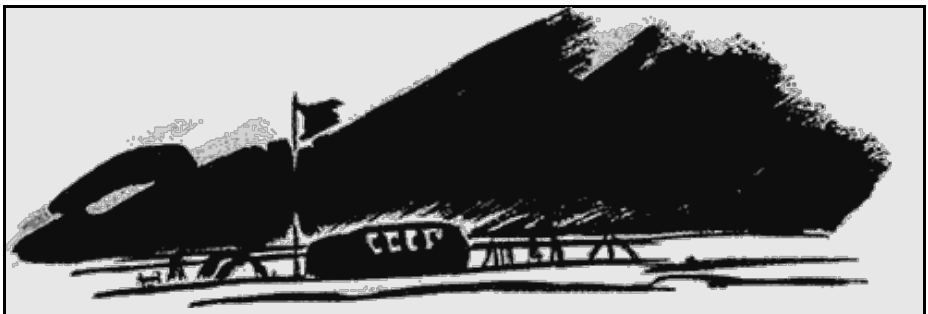
Давно это было. Но и сейчас на Севере ещё много работы. Вам, ребята, наверное, тоже хочется стать полярниками. Для этого вам надо вырасти, набрать побольше сил и многому научиться.

Дорогие мои! Учитесь, учитесь и учитесь. Кончайте школу, потом институт. В Арктике нужны образованные люди и отличные специалисты. С неграмотными, неумелыми Север расправляется жестоко. Зато учёных, культурных людей он принимает хорошо. И все те богатства, которые в нём таятся, он щедро отдаёт на благо нашей Родины.

Тридцать лет прошло с тех пор, как мы с товарищами Кренкелем, Ширшовым и Фёдоровым впервые в истории Арктики зимовали на полюсе. Многое изменилось с тех пор.

Мы были на льдине совершенно одни, а теперь на дрейфующей станции всегда дежурит самолёт, а чтобы перенести станцию с места на место, есть трактор. У нас в палатке зимой было 12° холода, а теперь полярники живут в тепле. Но и сейчас на дрейфующих станциях не так-то уж легко жить и работать. По-прежнему часто ломаются льдины, по-прежнему приходится переносить лагерь с места на место. Арктика такая же коварная, как и прежде. И всё-таки хочется сейчас вспомнить о нашей экспедиции. Ведь советские люди были первыми, кому покорился Северный полюс.

Как же всё это было?



ЧЁРНАЯ ПАЛАТКА

Это было более тридцати лет назад. Знаменитый лётчик Чкалов тогда задумал очень трудное дело — лететь через полюс в Америку.

Но прежде чем лететь через Северный Ледовитый океан, надо было изучить полюс. Решили послать туда самых опытных полярников, чтобы они пожили там. Пусть разузнают всё как следует, пусть сообщат, какая там погода. Тогда и лететь можно будет.

И вот в Кремль пригласили лучших лётчиков нашей страны. Руководители партии и правительства советовались с ними: можно ли на самолётах добраться до полюса, можно ли там сделать посадку, можно ли жить на полюсе?

Лётчики утверждали:

— Можно!

Особенно уверен был в успехе лётчик Водопьянов.

— У нас много замечательных самолётов. У нас много отличных лётчиков. Они умеют вести самолёт сквозь туманы и облака, в злой мороз и в тёмную ночь. До полюса долетят, сядут на лёд и выгрузят зимовщиков, — говорил он.

Некоторые сомневались:

— А вдруг лёд провалится?

— Нет, там лёд вековой, толстый!

— А вдруг самолёты не долетят?

— Должны долететь: моторы сильные, хорошие!

Долго советовались.

Наконец всё обдумали и решили лететь на полюс. Началась подготовка к экспедиции.

Меня назначили начальником станции «Северный полюс». Я был рад. Правда, я знал, что нам будет нелегко. Ведь на полюсе ещё никто по-настоящему не был. Сколько народу пыталось до

него добраться! И многие погибли.

Норвежский исследователь Нансен отправился в Арктику на шхуне «Фрам». Три года шхуна дрейфовала во льдах. Потом Нансен оставил шхуну и вместе со своим спутником Иогансеном на нартах отправился к полюсу. У них было двадцать четыре собаки, но до полюса Нансен так и не добрался. С большим трудом ему удалось вернуться назад. На обратном пути были израсходованы все продукты и съедены все собаки, кроме одной. Русский путешественник Седов два года пытался пробиться — так и не дошёл до полюса: погиб около острова Рудольфа. И ещё десятки других исследователей не могли до полюса добраться.

Но я знал: всё это было до революции. Люди погибли потому, что им никто не помогал.

У нас другое дело. Нам поможет весь советский народ. Где бы ни очутился советский гражданин — в тайге, в океане, в степи, — Родина его не оставит. И вот собрались мы: Фёдоров. Ширшов, Кренкель и я. Стали думать, что нам нужно, чтобы успешно перезимовать на полюсе.

Кренкель сказал:

— Мне нужна хорошая радиостанция, чтобы я мог говорить по радио с Москвой, со всеми, со всей землёй.

Ширшов сказал:

— Я буду изучать глубины Ледовитого океана. Мне надо лебёдку с длинным стальным тросиком (тоненькой проволокой). микроскоп и шёлковые сетки, чтобы вылавливать рыб и животных, которые живут в Ледовитом океане.

Фёдоров сказал:

— Я буду по звёздам и по солнцу определять, где мы. Буду следить, куда везёт нас льдина. Мне надо много астрономических приборов.

А я сказал:

— Братцы, мы едем на полюс на целый год, а может быть, и на два. Никто не знает, сколько мы будем дрейфовать. Нам надо хорошую палатку, и электричество для радио, и резиновые лодки, и посуду, и папиросы, и топоры, и ещё много всякой всячины. Нам нужен запас еды.

Я знал, что многие экспедиции на Севере погибали от цинги и из-за плохого питания. И я стал учиться поварскому делу в особом институте. Но и еда для нас должна быть приготовлена по-особенному: чтобы мало места занимала и чтобы не портилась.

Некоторые предлагали нам поехать в Норвегию поучиться, как снаряжать экспедицию. Ведь самыми опытными исследователями Арктики считались тогда норвежцы Нансен и Амундсен.

Но для нас всё сделали в нашей стране. Приготовили на два года еды в виде плиток и кубиков. Выжали пятьсот лимонов и получилось десять кило лимонного соку. На заводе «Каучук» сделали замечательную палатку, резиновые лодки. Изготовили точнейшие приборы. Снарядили лучшие самолёты.

Когда всё было готово, я сказал:

— А теперь, братки, давайте поживём где-нибудь под Москвой, будто на полюсе, и всё проверим.

Погрузили мы наше имущество на машины и выехали за Москву. Была зима. Кругом лежал снег. Я выбрал полянку.

Чем не полюс!

Стали разбивать палатку. Укрепили палки, натянули парусину, чехлы на гагачьем пуху. А поверх всего — чёрный брезент с белой надписью:

ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС».

Потом мы надели полярные костюмы: шубы, меховые чулки, шапки с ушами. И стали жить, будто на настоящем полюсе.

Сами себе готовили обед. Бросим кубик в кипяток — получаются щи. Из другой плитки получались котлеты. Из третьей — компот. Всё было очень вкусно.

Ширшов и Фёдоров испытывали приборы. Кренкель установил радиостанцию и давай разговаривать с Москвой и

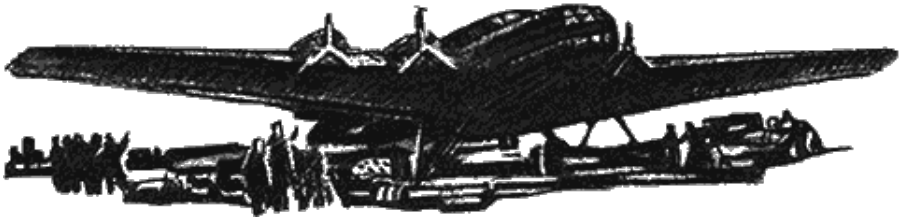
другими городами.

Шесть дней мы жили под Москвой, всё проверяли: годится ли палатка, хороша ли радиостанция, точны ли приборы, тепла ли одежда.

Мы проверили, можем ли мы заменить друг друга, если с кем-нибудь случится несчастье. Фёдоров и я иногда были радистами вместо Кренкеля. Я пробовал работать с приборами Фёдорова.

Всё было хорошо. Мы вернулись в Москву и доложили:

— На полюс лететь готовы!



ЛЕТИМ!

И вот на московском аэродроме выстроились четыре огромных воздушных корабля. И ещё один самолёт, поменьше. На нём один лётчик полетит вперёд, на разведку.

Самолёты поведут отличные пилоты: Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин… С нами летит замечательный штурман Спирин.

Мы забрались в кабины. Загудели моторы. Поднялся вихрь. Провожающие махали шапками, кричали:

— Счастливого пути! Счастливой зимовки! Привет Арктике!..

Никто не кричал: «Пишите письма», — ведь на полюсе почтового отделения пока ещё нет. Поэтому все просили Кренкеля:

— Передавайте почаще радиограммы!

— Ладно. Счастливо оставаться!

Одна за другой поднимаются тяжёлые машины.

Летим! Летим на полюс!

Я всё беспокоился — хватит ли еды? Вдруг не хватит? А ведь на полюсе не только почты, но и магазинов нет. Правда, мы запасли вдоволь всего: и мяса, и колбасы, и сладостей. Даже пельмени были. Но мне всё казалось мало. Лётчики говорили:

— Иван Дмитриевич, хватит грузить, пожалей нас.

А я всё-таки исхитрился. Повсюду насовал всяких продуктов: в крылья, под сиденье, в хвост.

И вот мы прилетели в город Холмогоры. Погода плохая, лететь дальше нельзя. Я решил проверить продукты. Открыл банку с пельменями, а там одно тесто. Стало тепло, и пельмени испортились. Пришлось их выбросить. Лётчики посмеиваются:

— Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то — ау?

— Ничего. Вместо пельменей корову возьму.

Но лётчики не хотели брать корову в самолёт.

— Ты бы ещё, Иван Дмитриевич, слона привёл!

Тогда я прикатил бочонок со сметаной.

— Вот вместо пельменей.

Сметану они взяли.

Погода стала лучше, мы полетели. Прилетели в Нарьян-Мар. Водопьянов подходит:

— Иван Дмитриевич, угости сметанкой.

— Пожалуйста.

Беру бочонок, а он удивительно лёгкий. Заглянул — пустой! Что за диво? Все смеются, заливаются:

— Перехитрили мы тебя, дядя Ваня!

Оказывается, они украдкой проделали в бочонке дырку и через трубку потихоньку потягивали сметану. Так всю и высосали.

Я говорю:

— Нет, не перехитрили, потому что я вместо сметаны этот бочонок рыбой нагружу.

А сам думаю: «Рыбку-то вы уж через дырочку не высосете». Лётчики видят: со мной спорить трудно.

Пришлось им взять рыбу на самолёт. Снова заревели моторы. Полетели дальше — на остров Рудольфа.

Там мы прожили несколько дней. Погода стояла плохая, и лететь дальше было нельзя.

На острове познакомились мы с новым нашим спутником. Это был небольшой смышлёный пёс — сибирская лайка, сострыми ушами, с закрученным в крендель хвостом. Она звонко залаяла на нас. Кто-то сказал:

— Из этой собачки отличный полярник будет! Весёлый пёс!

Так и осталась кличка: «Весёлый».

ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС!

Наконец небо стало чистое, солнышко…

Можно лететь. Теперь прямо на полюс!

Быстро приготовили одну машину. Она была сильно нагружена. Аэродром на Рудольфе круто обрывался над морем. Надо оторваться от земли вовремя, не то — гибель.

Но недаром за рулём сидел замечательный лётчик, Герой Советского Союза Михаил Водопьянов. Тяжёлая машина легко взлетела. Мы в воздухе. Курс — Север.

Это было 21 мая 1937 года, в 4 часа 52 минуты.

Летим очень высоко. Ровно гудят моторы. Мы жадно смотрим вниз. Но там — облака. Иногда появляются просветы — «окна». В «окнах» видны льды, льды. Так летим шесть часов. Вдруг штурман Спирин закричал:

— Полюс! Мы над полюсом!..

Водопьянов повёл самолёт на снижение. Всё ниже, ниже… Прошли облака. Под ними — туман. Наконец туман кончился. Водопьянов стал выбирать место для посадки.

Долго кружил он над белыми торосами, приглядывался. Наконец выбрал огромную льдину и стал летать над ней, но прежде чем сесть, мы сбросили на лёд бомбу, чтобы проверить. прочный ли он. Вот лыжи коснулись льда, позади самолёта раскрылся парашют, чтобы скорее можно было затормозить, и машина остановилась.

Мы все, тринадцать человек, выскочили на лёд, стали друг другу жать руки, стали друг друга обнимать, целовать, поздравлять…

Мне кричат:

— Хозяин полюса, принимай свои владения!

Я оглядывался. Кругом ледяные поля. Так вот он, полюс, из-за которого погибло столько смелых путешественников и который считался недоступным! Теперь на полюс ступили мы, коммунисты!

Кренкель раскинул радиостанцию. Но что-то там застопорилось. Часы идут, а радио не работает. Все волновались: «Мы на полюсе, а никто про это не знает и, может быть, даже беспокоятся — думают, что мы погибли!»

Кренкель успокаивал:

— Ничего, наладится.

Через одиннадцать часов радио заработало. Мы обрадовались и сразу же передали первую радиограмму с полюса:

«Благополучно устроились, выбрана хорошая льдина».

ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ

Закипела работа. Кто нарезáл из снега кирпичи, кто складывал из них стены для радиостанции, кто разгружал самолёт, кто разбирал нарты…

Мы с Петром Петровичем Ширшовым и Евгением Константиновичем Фёдоровым заспорили: какой толщины лёд? Долбили-долбили льдину, двадцать раз вспотели, наконец добрались до воды. Толщина льдины оказалась больше трёх метров. Ничего, жить можно!

Скоро к нам прилетели остальные лётчики: Молоков, Алексеев, Мазурук. Они привезли лебёдку, палатку и Весёлого.

Пёс забегал вокруг, стал принюхиваться. Все смеялись:

— Весёлый нюхает полюс.

Лётчики разбили для себя лёгкие палатки. А мы поставили нашу большую, чёрную, ту самую, в которой жили под Москвой. Собрали её, свинтили, обтянули парусиной, устлали изнутри оленьими шкурами, чтобы теплее было, пристроили кухню, коридор. Получилось очень хорошо.

Кренкель пошутил:

— Симпатичная квартира, со всеми удобствами в центре… Ледовитого океана.

Въехали мы в новое своё жильё, устроили новоселье. За палаткой шумела пурга, выл ветер, а нам было тепло и хорошо. Мы сидели у столика, ели вкусные вещи, вспоминали Москву, товарищей, родных…

— Не палатка, — хвалили наш дом лётчики, — а настоящий дворец!

Около нашего полотняного «дворца» стоял ледяной «дворец»

радиостанции. Рядом замахал крыльями наш ветряк — «мельница». За ним стояли нарты с продуктами. Получилась целая улица. Рядом с палаткой развевалось красное знамя.

Прошло шестнадцать дней.

Все, кроме нашей четвёрки, стали собираться в обратный путь.

Я уговаривал:

— Не торопитесь, поживите ещё. У нас хорошо.

— Нет, спасибо! Мы вас привезли, помогли устроиться; пора домой.

Они стали укладываться. Я ходил к лётчикам и всё просил:

— Отдайте мне, что у вас лишнего. Вы скоро дома будете, а нам тут пригодится всё.

И они давали — кто сковородку, кто кастрюлю, кто ведро.

А Мазурук подарил нам патефон и на красной крышке написал:

Кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт!

А если кто не хотел дарить, я грозился:

— Всё отберу, отпущу в одних трусах! Всё равно вам на юг ехать,

Ведь с полюса куда ни пойдёшь, везде юг.

На прощальном обеде я говорил:

— Вы улетаете. Мы остаёмся далеко от любимой Родины. Но наши сердца всегда будут вместе с нашей страной, с партией, с народом.

Последние поцелуи, последние объятия.

Машины прошумели над нашими головами. Мы машем шапками:

— До свиданья, до свиданья…

И вот самолёты скрылись. Мы одни.

— Ну, братки, — сказал я, — работа начинается.

Кренкель надел наушники, Фёдоров стал смотреть в астрономическую трубу, мы с Ширшовым отправились к лебёдке.

КАНАЛ «МОСКВА — ПОЛЮС»

Работы было много.

Мы занялись «снежным» строительством. Из плотного снега нарезали кирпичей и построили кухню. Из снега же сделали домик для научных занятий Ширшова и Фёдорова.

Много возни было с продуктами. Мы разделили все наши запасы на три части и разложили в разных концах льдины. Если она расколется и один склад утонет, или его раздавит, не страшно! У нас останутся ещё два. Продукты мы зарывали в снег, чтоб не портились. Но солнце разрушало наши «холодильники». Первое время оно не заходило совсем и сияло над нами без передышки. Ложимся спать — солнце, встаём — солнце. Всё время сплошной день. Мы только по часам узнавали, утро, вечер или ночь.

Солнце грело так сильно, что снег около бидонов с продуктами таял. А ведь там у нас была свежая рыба, свинина — того и гляди, протухнет! Давай перетаскивать наши запасы на новое место!

Мы впрягались в нарты и, как добрые кони, перевозили за один приём по двадцати пяти пудов груза. Скользко, мокро, то и дело спотыкаемся, падаем, но везём, подбадривая друг друга. Труд нелёгкий, от такой работы глаза, как говорится, на лоб вылезали…

Вода донимала нас. На льдине стояли озёра и моря. Мы плавали по ним в нашей надувной резиновой лодке.

В палатке было сыро. Одежда намокла, а просушить её негде. Сухого местечка не найти. Под ногами хлюпало. Но мы не падали духом, шутили, держались бодро. У нас был такой порядок: если у тебя на душе кисло, не подавай виду, крепись! Около нашего «дворца» текла настоящая река. Я превратился в инженера и

построил из досок мост.

Но «река» всё ширилась, подбиралась к палатке. Решили соорудить канал. Продолбили мы во льду канаву — от палатки до трещины. Так и отвели воду от палатки.

Товарищи прозвали эту канаву очень важно: канал «Москва — полюс».

«ОРЛЫ»

В Москве стояло жаркое лето. А у нас на полюсе не всегда было тепло и солнечно. Нередко небо затягивалось облаками, валил мокрый снег. Часто поднималась пурга, нашу палатку заносило снегом. Но мы на погоду не смотрели. Работали по семнадцать-восемнадцать часов в сутки.

Нам надо было многое узнать. Какой глубины океан у полюса? Что делается на дне? Какая вода в океане и куда она течёт? Водятся ли в ней животные? Куда везёт нас льдина?

Вопросов было много. Ответить на них нелегко. И вот мы и трудились, не жалея сил, старались раскрыть тайны природы.

Вот как мы работали у лебёдки. Сначала пешнями долбили во льду майну — такую дырку делали. Насквозь. К концу стальной проволоки Ширшов прикреплял сетку, термометр и разные приборы. Всё это он опускал в прорубь, чтобы достать с самого дна воду. Груз долго добирался до морского дна. Потом мы крутили ручку лебёдки и поднимали его. Это была очень тяжёлая работа. Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебёдку: пятнадцать минут крутят Фёдоров и я, пятнадцать минут — Кренкель и Ширшов. В самый лютый мороз от такой работы нам становилось жарко.

Зато мы узнали: глубина океана на полюсе четыре километра двести пятьдесят метров. Это было наше открытие. Раньше никто не знал глубины моря у полюса.

Петя Ширшов нашёл в морской воде рачка-бокоплава, медуз и много других маленьких животных. Это тоже было наше открытие. Ведь раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Ширшов разложил свои находки по банкам, склянкам и радовался.

Мы работали много. Зато спали потом как убитые. Кренкель, который всегда дежурил по ночам, утром будил нас:

— Орлы, вставайте!

В ответ могучий храп.

— Орлы, надо ж совесть иметь!

«Орлы» храпят как ни в чём не бывало.

Кренкель набрасывается на нас, как лютая тигра:

— Вставайте! Что я, с вами церемониться буду?

Тогда мы вылезаем из спальных мешков. А Теодорыч ложится. Ведь он всю ночь не спал: сидел у радио и каждый час выходил смотреть, нет ли трещины, не надо ли переезжать на новую «квартиру».

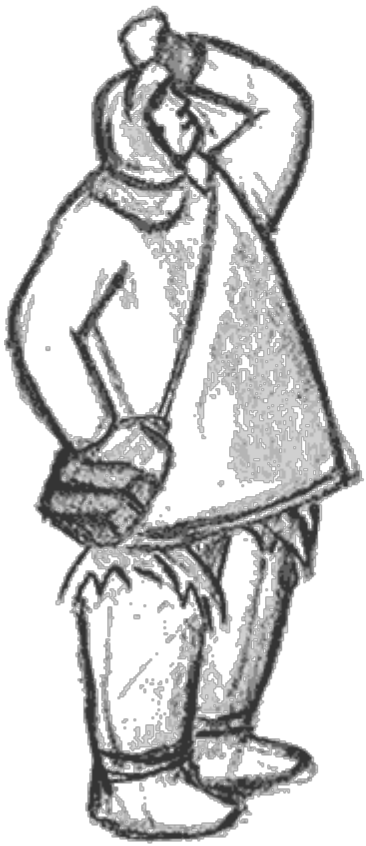
Мы завтракаем и принимаемся за работу. Петя либо уходит к проруби на день, а то и на сутки, либо возится со своими скляночками. Без конца он что-то там разливает, переливает, взбалтывает, помешивает — точь-в-точь аптекарь.

А мы с Женей выходим на «улицу». Надо узнать, где мы находимся. Ведь льдина не стоит на месте. Она потихоньку увозит нас от полюса — дрейфует. Мы этого не замечаем. Но вот Женя Фёдоров наставляет свои приборы на солнце и объявляет:

— Сегодня льдина прошла пять километров.

Или десять. Или двенадцать.

Наша льдина шла то быстро, то тихо.



Я всегда помогал Жене. Я вместе с ним узнавал «наш адрес», помогал ему записывать погоду. Если Женя почему-либо не сможет выйти из палатки, я за него всё сделаю. Ведь надо каждый день во что бы то ни стало передавать по радио, какая погода у полюса.

Я радовался, что со мной послали Теодорыча, Петю и Женю. Они работают без устали. Часто по двое суток не спят; трудятся и в пургу, и в дождь, и в туман. Мы привезём много интересного

для науки.

Пётр Петрович — большой учёный. Женя — тоже настоящий учёный. Все самые важные, самые главные звёзды он знает и по имени и где какая находится, точно он их сам разложил по огромному небу… Эрнст — замечательный радист.

С такими помощниками не пропадёшь!

ГОВОРИТ ПОЛЮС!

По радио мы каждый день передавали в Москву сводку погоды. По радио мы передавали наши открытия. Это очень важно. Если с нами что-нибудь случится, наша работа не пропадёт. О ней уже знают. По радио мы каждую ночь слушали «последние известия». Это нам было вместо газеты.

По радио Москва и Ленинград устраивали специально для нас хорошие концерты. Мы надевали наушники, слушали любимые песни, музыку и сами тихонько подпевали.

По радио мы узнали, что нас выбрали депутатами в Верховный Совет.

По радио мы разговаривали с родными, с жёнами, с друзьями, и нам казалось, что вот они близко, рядом с нами.

Однажды Кренкель после ночного дежурства не стал ложиться. Мы удивились:

— Теодорыч, почему спать не идёшь?

Он надел наушники, не слушает нас. Вдруг лицо его засияло, он улыбался — только не нам, а кому-то ещё. Мы тоже схватили наушники. Слышим — детский голосок.

— Кто это, Теодорыч?

Он шепчет:

— Тише, это моя дочка!

Всё понятно. Маленькая Люся говорит по радио со своим папой. Она говорила хорошо, гладко, ни разу не запнулась. Кренкель долго потом не мог заснуть.

Мы очень дорожили нашим радио. Без него мы были бы оторваны от Родины, от всего мира. Никто бы про нас ничего не знал, и мы ничего бы не знали. Поэтому мы берегли наше радио, как мать ребёнка. То и дело чистили его, осматривали. Чуть что — сразу же исправляли. И радио работало хорошо.

Но иногда вдруг затихал ветер. Нет и нет ветра. Крылья ветряка замирают. Замирает и наша электростанция — не даёт тока для радио. А тут надо вести передачу. Как быть?

Мы доставали тогда ручной (вернее, ножной) мотор. Он был сделан в виде велосипеда. По очереди мы садились на седло и «катались» — крутили педали. Ток появлялся, радио начинало работать. Но для того чтобы передать статью в газету «Правда», мы два с половиной часа «катались» и страшно уставали. Зато наша статья вовремя появлялась в газете.

Наши статьи печатались в разных газетах: мои — в «Правде», статьи Фёдорова — в ленинградских газетах, а Ширшова и Кренкеля — в московских газетах.

Кренкелю приходилось много и тяжело работать. Когда замечательный лётчик Чкалов летел через полюс в Америку, Теодорыч двое суток не снимал наушников. Мы сидели около него, волновались. Кренкель слушал:

— Чкалов летит на Рудольф.

— Чкалов над Рудольфом.

И наконец:

— Чкалов пролетел Рудольф.

Мы обрадовались. Скоро он будет над нами! Валерий Павлович сбросит нам письма, газеты, журналы.

Мы не отрываясь смотрели на небо. Но оно, как нарочно, было сплошь закрыто облаками. Мы слышали гул чкаловского самолёта, но видеть его не видели. И нас Чкалов не видел.

Я в шутку ругал Петю и Женю:

— Всё от вас зависело, браточки. Не могли приготовить чистое голубое небо! А ещё мастера погоды!

Когда собирался лететь в Америку замечательный лётчик Михаил Михайлович Громов, мы по радио передали родным:

— Пришлите нам через Громова посылки, письма, книги!

Мы решили нарисовать на льду яркое пятно, чтобы Громов нас заметил. Проваливаясь в снежной каше, мы тащили нарты с краской и прилежно разбрызгивали её вениками. Сделали громадный оранжевый круг. Ждём. Кренкель сидит у радио, а мы нетерпеливо смотрим на небо. Прошло несколько часов. Вот-вот Громов покажется.

Вдруг Кренкель заявляет:

— Слушайте, Громов передаёт радиограмму: «Завоевателям Арктики — привет!»

— За привет спасибо, — толковали мы, — а где же он сам?

Потом поняли. Ведь Громову надо лететь в Америку через полюс, а нас уже отнесло от полюса километров на двести.

Так и улетел Громов с нашими подарками в Америку.

НАШ ДОМ

Дни шли за днями. Шесть месяцев мы уже прожили на льдине. Осталось ещё столько же. Но самое трудное впереди. Кончился полярный день. В октябре мы увидели солнце в последний раз. Началась долгая, холодная полярная ночь.

Мы оделись по-зимнему. В палатке стало тесно, потому что наши шубы, малицы, куртки, рукавицы, меховая обувь — всё это занимало много места. Да ещё «тапочки». Так мы называли громадные валенки с отрезанными голенищами. В такой «тапочке» можно свободно купать годовалого младенца. На тапочки напяливались ещё галоши — «пароходы».

Одеваться при нашей тесноте надо было осторожно. Мы всегда помнили: влезая в спальный мешок, не ударься головой об угол стола. Надевая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки Ширшова. Вытягиваясь во весь рост, берегись гайки на потолке.

Входить во «дворец» тоже надо было осторожно. Направо — «кабинет» Кренкеля: радиоприёмники, инструменты, — как бы там чего не смахнуть, не испортить. Налево — самодельный «буфет»; заденешь — всё полетит. На полу ящики Ширшова. Перешагивая через них, гляди в оба. В ящиках драгоценные пробы воды.

Вдоль стены — в два этажа койки. Между койками зыбкий стол. Над лампой — жестянка. Кренкель всегда заполнял эту жестянку звонкой, промёрзшей колбасой. Колбаса там оттаивала, нагревалась. Мы перещеголяли лучшие магазины: у нас была горячая колбаса в любое время. Зато с водой стало плохо. Летом мы страдали оттого, что везде вода. А зимой страдали оттого, что воды нигде не было. Кругом лёд, снег, а воды — ни капельки!

Мы добывали воду из снега. Чтобы приготовить обед, надо было долго растапливать снег на примусе. Поэтому мы воду экономили, берегли.

«ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ»

Среди нас был и доктор: он же заведующий аптекой, и медицинская сестра, и «профессор по всем болезням». Это был Ширшов.

Пётр Петрович учился на доктора всего лишь несколько недель. Перед полётом на полюс он ходил в больницу — смотрел, как делают операции.

Пётр Петрович был сердитым «профессором». Поэтому болеть мы опасались и почти не хворали. «Доктору» пришлось нас лечить всего два-три раза.

Однажды Женя Фёдоров плохо себя почувствовал. Ширшов стал его выслушивать, как настоящий профессор:

— Дышите!

Женя усердно задышал.

— Не дышите!

Женя замер.

— Скажите «а-а»… Покажите язык!

Женя показал.

— Ну-с, так, — сказал «профессор». — Одевайтесь. Всё ясно. Надо поставить банки. Немедленно.

А банки нам дали огромные, в стакан величиной.

«Профессор» развёл страшный факел, чуть не спалил палатку. Сунул факел в банку и сразу приложил её к спине Жени. Кожа у бедного Фёдорова втянулась до самого дна банки. «Профессор» поставил вторую. А на третью у Жени кожи на спине не хватило: она вся втянулась в банки.

Как-то у меня заболела спина.

Я говорю:

— Профессор Ширшов, что-то трудно дышать.

Пётр Петрович взял докторскую трубку, послушал с важным видом.

— Иван Дмитриевич, у тебя внутри что-то хрипит. Надо натереться скипидаром.

Раз доктор говорит — значит, надо. Я разделся, лёг на оленьи шкуры. Ширшов налил себе на руки скипидару. А руки у «профессора», признаться, были не первой чистоты — в копоти, в масле… Вот он стал растирать меня. Что такое? От скипидара руки у «профессора» стали чистые, зато у меня спина стала полосатая, как у зебры. Всё-таки он меня вылечил.

Когда нас выбирали в Верховный Совет СССР, ребята на родине Ширшова, в городе Днепропетровске, распевали:

Все большие, детвора.
Голосуйте за Петра,
За Петра Петровича,
За Ширша Ширшовича!

Нам рассказали об этом по радио, и мы стали величать Петю по-новому: «Профессор Ширшович».

«Профессор» и сам любил сочинять стихи.

Однажды я видел: около палатки стоит Ширшович. Перед ним Весёлый. Ширшов с жаром декламирует:

Что может сравниться
С твоими глазами.
    Мой пёс!
Я вижу, я знаю.
Ты тронут
    До слёз…

И после каждой строчки угощает Весёлого колбасой. Весёлый восторженно виляет хвостом, радуется, и сразу видно, что стихи Ширшова ему по вкусу.

МЕДВЕДИ

Весёлый был настоящий полярник. Он устраивал свои «базы» — закапывал в снег остатки своей еды. Он был умный, толковый пёс, только слегка вороватый: частенько забирался на наши склады. Я его один раз поймал: озираясь, он откапывал мясо.

Я с ним, признаться, не стал церемониться и отлупил как следует.

— Не смей сюда ходить!

Что же он сделал? Пока били, он терпел. А потом обошёл кругом километра на полтора, чтобы следов не заметили, и опять забрался в склад.

Пришлось его привязать к нартам. Но это было тоже плохо. Вот что однажды у нас случилось.

Как-то ночью Кренкель вышел из палатки и вдруг закричал:

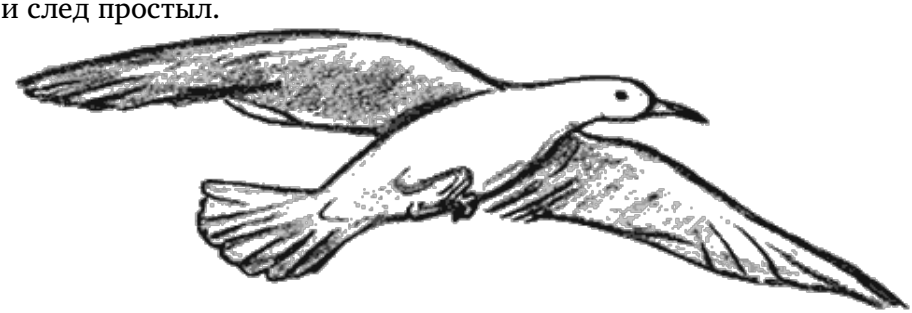
— Медведи! Медведица и два медвежонка! Скорей вставайте!

Мы уже спали. Но тут мы оделись в два счёта, выскочили. Видим: Эрнст стреляет в косолапых, а те удирают во всю прыть. Поди лови их!

Что тут было с Весёлым!

Он выл, рвался, метался, тянул за собой тяжёлые нарты. Я быстро отвязал его.

Он пулей понёсся к медведям, но, пока мы подбежали, их уже и след простыл.



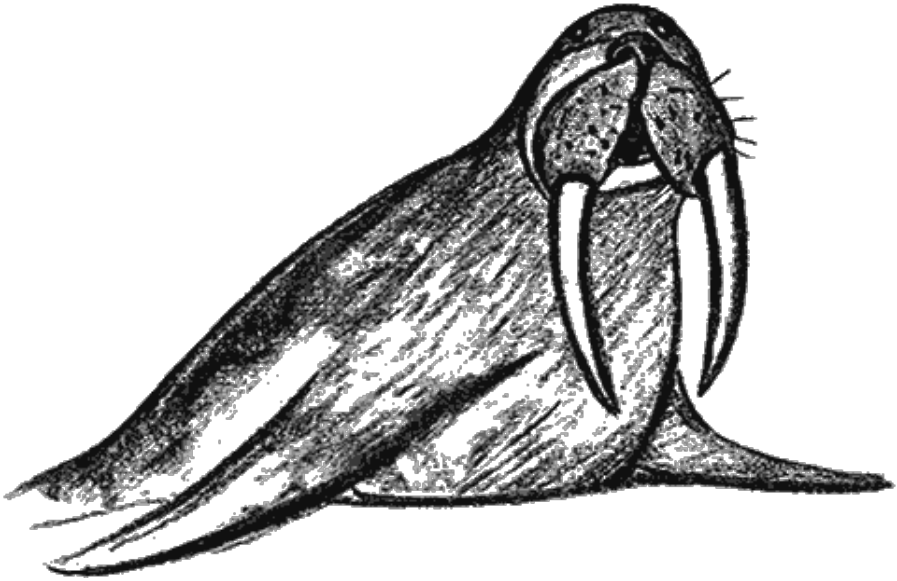
Мы вернулись в палатку. А Весёлый долго ещё носился по льдам. Прибежал только через три часа. И всё скулил, жаловался, тёрся у ног, точно он виноват, что упустил медведей.

— Разучились мы охотиться, братки! — сказал я.

— Да, — отозвался Петя, — сейчас неплохо бы поесть свежей медвежатины!

Теодорыч усмехнулся:

— Убили не убили — это неважно. Важно, что мы видели медведицу, да ещё с медвежатами!



Мы стали рассуждать. Если здесь водятся медведи, значит, и нерпы должны быть. Ведь медведи ими питаются. А если есть нерпы, значит, должна быть и рыба. Через несколько дней я увидел в трещине нерпу. «Ну, — думаю, — полакомимся нерпичьей печёнкой». Выстрелил, попал. Но убитую нерпу унесло течением под лёд. Экая досада!

Попадался нам и морской заяц — лахтак. В этом «зайчике» добрых восемнадцать — двадцать пудов.

Однажды я много часов просидел с ружьём у трещины, терпеливо ждал зайца, мечтал: «Вот зайчик покажется, буду угощать товарищей свежей зайчатинкой!»

Долго ждал, весь продрог, но лахтак так и не показался.

Я утешал себя: «Не беда! Зато мы сделали важное открытие. Раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Даже знаменитый Нансен так думал. Но он ошибался. Сколько всякой живности мы уже здесь видели! Петя каждый день достаёт из морских глубин разных мелких животных. К нам прилетали птицы: чайки, пуночки, чистики… Мы видели лахтака, нерпу, медведей… Жизнь на полюсе есть! Так и запишем!»

Я вернулся в палатку, сел писать дневник. Как начальник станции «Северный полюс», я каждый день записывал всё, что случалось. Иногда от усталости после работы перо вываливалось из рук, но всё равно я писал. Пока не запишу, спать не лягу.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

7 Ноября 1937 года мы вместе со всей страной праздновали двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Засверкали бритвы, мыльная пена покрыла лица, запахло одеколоном. Мы впервые побрились как следует.

Вечером, чистенькие, сидели за праздничным «столом». «Стол» ломился от яств. Чего там только не было! И два сорта конфет, и сгущённое молоко, и сыр, и лепёшки, и даже кусочек торта, который мы берегли к празднику.

Пировали до пяти утра. Легли спать. Но в девять часов мы все снова были на ногах. Быстро напились чаю. Скорей к радиоприёмнику, скорей слушать родную Москву!

Десять часов.

И вот мы слышим бой часов на Спасской башне. Молча улыбаемся друг другу.

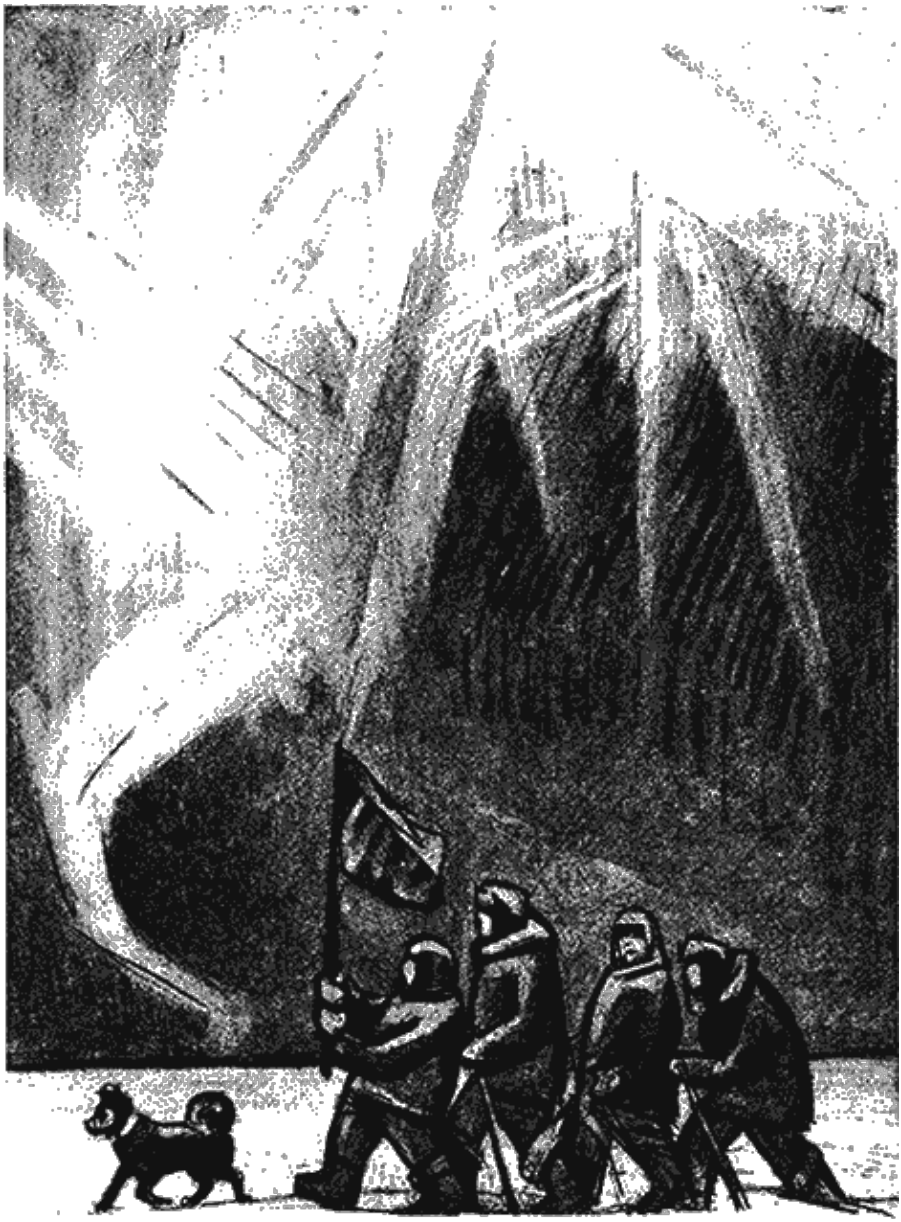
— Тише, тише! — шепчет Кренкель. — Сейчас военный парад начнётся!

И вот мы слышим громовое «ура» с Красной площади. Играют оркестры, грохочут танки, шумят самолёты.

Тускло горит лампа, в палатке температура ниже нуля, мы сидим закутанные, слушаем передачу из Москвы, и нам кажется, будто мы вместе со всеми на Красной площади.

Потом мы устроили свою демонстрацию. Впереди шёл я, с флагом СССР. За мной, с винтовками, двигались Ширшов. Кренкель и Фёдоров.

Мы прошагали по всей «улице» под красным знаменем.



Я сказал короткую речь:

— Мы далеко. Но мы не оторваны от Родины. Нас любят и нас помнят. Здесь, на дрейфующей льдине, вместе со всем нашим великим народом мы празднуем радостную годовщину.

Вспыхнула ракета, загрохотали выстрелы. Это был наш салют в честь праздника.

Неплохо отпраздновал и Весёлый. Мы пригласили его в палатку, каждый дал ему по сосиске: он наелся, улёгся на шкуры и заснул.

А мы долго сидели у радио, прислушиваясь к далёкой и любимой Москве, где в это время была народная демонстрация.

«ТРОЛЛЕЙБУС»

Нас называли богатырями. В радиограммах мы читали:

«Наши богатыри на Северном полюсе… Наши полярные богатыри смело дрейфуют…»

Товарищи смеялись над моим небольшим ростом.

— Хорош богатырь! Сознайся, Митрич: когда выступаешь на трибуне, под ножки ящик подставляешь?

В конце концов мы решили на самом деле подобрать себе богатырские имена. Кренкеля — самого высокого — назвали «Илья Муромец», Ширшова — «Алёша Попович», Фёдорова — «Соловей-разбойник». А меня назвали лучше всех — «Руслан и Людмила».

Однажды в метель два «богатыря» — «Руслан и Людмила» и «Илья Муромец» — отправились к трещине, которая появилась во льду. Там за целый километр от палатки мы изучали воду, ловили сеткой морских животных… Был ветер. Глухая темень. Мы кое-как добрались до трещины, ощупью проверили приборы Ширшова и повернули обратно, против ветра. Пурга бушевала. Свет карманного фонарика не мог пробить стену снежинок.

Шли, шли, а палатки всё нет.

— Скучноватая картинка получается, Илья Муромец, — сказал я. — Мы ведь, похоже, заблудились!

Теодорыч, пряча голову от ветра, глухо отвечает:

— Будем дрейфовать, пока не найдём!

Мы брели то по ветру, то против ветра, натыкались на незнакомые льдины, спотыкались, падали, поднимались…

Прошло часа три. Мы выбились из сил. Все косточки ныли. Хотелось спать. Но мы знали: если ляжем, тогда конец — замёрзнем. И мы всё шли, поддерживая друг друга.

Наконец я зацепился ногой за доску. Значит, палатка близко. Мы встрепенулись, побрели веселей. И верно, скоро мы наткнулись на свой «дворец». Ох и хорошо было отогреться после мучительной ночи!..

Утром я понаставил столбиков и протянул на них длинную верёвку от трещины до палатки. Теперь заблудиться нельзя.

— Вот это хорошо, — сказал Ширшов. — Теперь у нас, как в порядочном городе, есть своя троллейбусная линия.

И четыре «троллейбуса» — я, Кренкель, Ширшов и Фёдоров — отправились вдоль новой линии к трещине крутить лебёдку, изучать глубины Северного океана…

БУРЯ

В работе незаметно бежало время. Наступал новый, 1938 год.

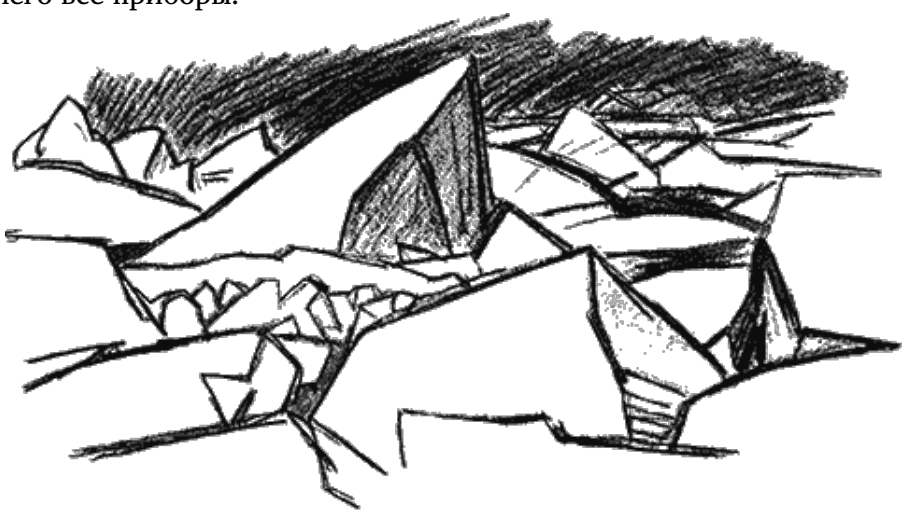
Мы устроили генеральную уборку. Теодорыч натаял на примусе из снега воды. Мы вымыли головы, побрились. Я подстриг «косы», выросшие у Кренкеля.

Москва по радио поздравила нас с Новым годом. Я достал орехи, шоколад, сыр… Каждому выдал по тридцать пять конфет «Мишка на Севере». Новогодний «бал» прошёл очень хорошо. Только, конечно, ёлки не было…

В середине января мы увидели однажды красивую зарю. Значит, полярная ночь кончается. Мы обрадовались. Всё-таки полярная ночь плохо на нас действует. Мы мало едим, плохо спим. Скорей бы солнце! А пока стоят злющие морозы. Пурга всё свирепствует.

Наш «дворец» засыпало снегом доверху. Весёлый свободно разгуливает по его крыше. Он очень не любит пурги. Как только пурга завоет, наш Весёлый начинает визжать; вьюга утихнет — умолкает и Весёлый.

Но утихала пурга редко. Часто бывала такая буря, что за два шага не видать друг друга. В такую метель не выйти из палатки. Но ведь Жене Фёдорову надо работать в ледяном домике. Там у него все приборы.



Тогда мы вот что придумали. Взяли заступы, лопаты и вырыли в снегу длинный ход. Получился тоннель. Очень похоже на метро, только не подземное, а подснежное. Теперь в самую злую бурю Женя уходит к себе заниматься. Но не всегда он мог работать. Нашу льдину толкало так, что все его приборы

вздрагивали.

Буря гнала льдину всё быстрей. Нас несло на юг, к берегам. Даже неудобно стало говорить, что мы на Северном полюсе: льдину отнесло далеко от полюса.

Мы всё время были начеку. А вдруг льдина ударится и расколется? Вдруг оторвётся продовольственная база? Мы не трусили: просто не хотели, чтобы опасность застигла нас врасплох. На всякий случай мы надули большую резиновую лодку и положили около неё всё необходимое: одежду, продовольствие, запасную радиостанцию. Спать стали по очереди.

Снег с шумом падал на крышу палатки. Порой мне казалось. будто мы лежим в барабане. На улице вой, стон, треск, точно стреляют из пушек или трещат моторы больших самолётов. В любой момент льдина может разбиться или перевернуться и потянуть нас за собой. Но братки не унывали.

Настроение у всех было бодрое.

Нередко Петя Ширшов декламировал нам из Маяковского:

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная, —
открою
полюс
Южный,
а Северный —
наверное.

ПОЛОСОЧКИ

Наступила памятная ночь — ночь на 1 февраля. Мне не спалось. В бурю я всегда плохо спал: всё прислушивался, не ломается ли льдина. А буря бушевала уже шестые сутки.

Кренкель дежурил и тоже не спал. Вот он говорит:

— Что, Дмитрич, не спится? Давай сыграем.

— Давай.

Расставили шахматы, засели.

За палаткой воет ураганный ветер. Снег барабанит по стенкам. Петя и Женя спят. Кренкель наступает, я обороняюсь изо всех сил. Мы засиделись. Часов в пять вдруг слышим: трещит палатка!

— Слышишь, Теодорыч?!

— Слышу, Дмитрич! Иди, твой ход!

— Постой, тут не до хода. Пойду посмотрю, в чём дело.

— Сиди, Дмитрич, я выйду.

Он вышел, а я не знаю, что делать: то ли ход обдумывать, то ли товарищей будить? Кренкель вернулся, стал стряхивать с себя снег.

— Ничего не видать, тьма… — Он подсел к доске. — Всё в порядке, играем дальше.

Я сделал ход. Тут палатка опять затрещала. Значит, не всё в порядке. Я стал будить Петю и Женю:

— Вставайте, ребятки, что-то наша палатка нехорошо трещит.

Женя высунул голову из мешка, прислушался:

— По-моему, Дмитрич, это просто снег оседает.

А Ширшов говорит:

— Пойду посмотрю. У меня глаза лучше, чем у вас.

Он живо оделся и вышел. Ходил, ходил, потом вернулся и сказал:

— Это не снег, это наша льдинка отказалась нас дальше везти. Везде тонкие трещины, как чёрные змейки.

Тут все вчетвером вышли с фонарями наружу. Ветер ударил в лицо, валит с ног, сыплет снегом в глаза.

Зажгли мы фонари и видим: наша льдина покрылась полосочками, точно ножом её изрезали.

— Да, дела неважные, — сказал Теодорыч, — Пойдёмте выпьем по стаканчику горяченького чайку, обсудим, как быть.

Мы вернулись в палатку, развели примус. Пока грелся чайник, Петя вышел ещё раз посмотреть на трещины. Скоро он прибежал:

— Товарищи, наши полосочки разошлись, стали громадными

— в пять метров шириной!

Мы потушили примус и все вышли на лёд. Трещина была не одна. Там, под антенной, мы увидели вторую, потом третью. Одна из них подползла под нашу палатку. Наше ледяное поле раскололось на куски…

— Браточки, когда обходите лагерь, — сказал я, — глядите в оба, не провалитесь в трещину. Если с кем из вас что случится, считайте, что двое пропали — мне тогда тоже не возвращаться. Ведь я отвечаю за вас всех.

В Москву мы послали радиограмму:

«Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. В случае обрыва связи просим не беспокоиться. У нас будет всё в порядке».

НА ОБЛОМКЕ

«Льдинка» всё крошилась. Трещина под нами расширялась. Палатку стало заливать.

— Братки, пора переселяться, — сказал я. — В этой квартире оставаться опасно.

Мы покинули свой дом, в котором дружно прожили восемь месяцев, и устроились в шёлковой палатке.

Теперь мы жили на обломке величиной с футбольную площадку. А тут новая беда. На осколках льдины остались наши продовольственные базы. Однажды Женя и Петя увидели, что некоторые из них дрейфуют среди обломков льда. Мы взяли нарты. Как акробаты, прыгали по льдинам, спасали научное оборудование, продовольствие. Но, конечно, всё спасти не удалось. Продовольствия оставалось только месяца на три.

Мы видели, как плавали в разводьях наши бидоны с керосином, но достать их не могли. Мы видели, как уносило нашу лебёдку.

Пурга всё продолжалась. Ураганный ветер сорвал шёлковую палатку. Мы выстроили домик из снега. Всё наше продовольствие и имущество сложили на нарты. В минуту опасности их легко перебросить с места на место.

Тяжёлые были дни! Мы на обломке, а кругом вода, покрытая снегом. Провалишься — товарищи не услышат из-за ветра и не найдут в темноте.

Тогда по краям нашего обломка мы поставили чёрные флажки. Это для дежурных, чтобы они не провалилась, когда обходят лагерь.

Волновались ли мы? Конечно, немножко волновались. Но мы знали: что бы ни случилось, Родина не оставит нас в беде.

Мы слушали радио.

Вот сквозь льды и штормы к нам спешит маленький «Мурманец».

Вот вышли ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман».

Вот вышел в открытое море большой ледокол «Ермак».

Все они спешат к нам на выручку. Так не будем же унывать. Всё в порядке! Работа станции «Северный полюс» продолжается!

В назначенное время Эрнст передавал сводку погоды. Женя следил за тем, куда несёт нас обломок. Петя, как всегда, изучал океан.

Однажды Женя вбежал в палатку, закричал:

— Дмитрич, скорей! Медведи на льду! — и держит винтовку наготове.

Я выхватил у него винтовку и выбежал из домика. Верно, медведи! Целая тройка!

Весёлый заливался, лаял, путался среди косолапых. Я боялся, что пули попадут в него.

Прицелился, давай стрелять. Всех трёх уложил. И Весёлого не задел.

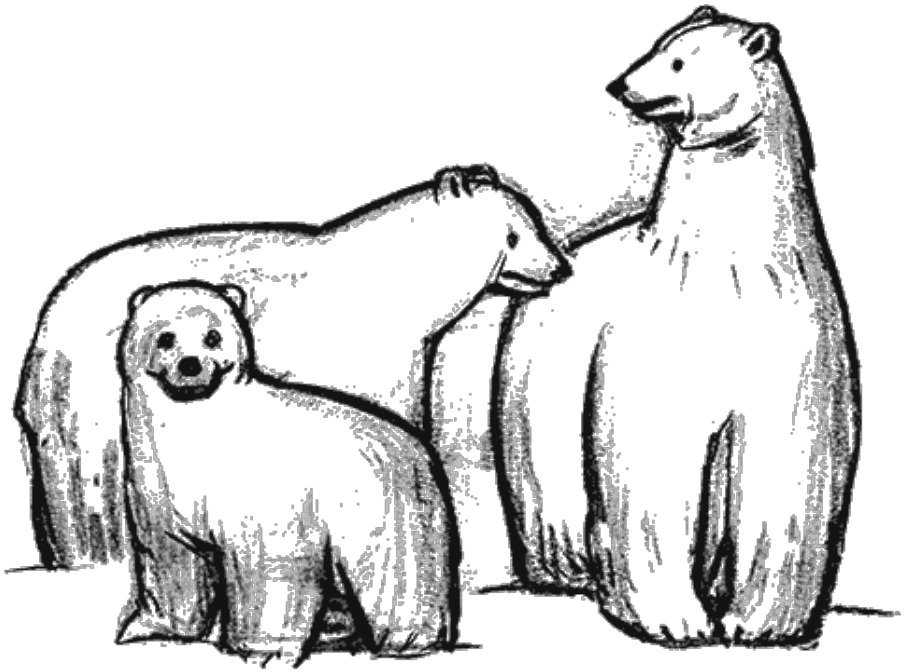
Я наварил огромную кастрюлю медвежатины. Сели обедать. Ребята всё подставляют тарелки:

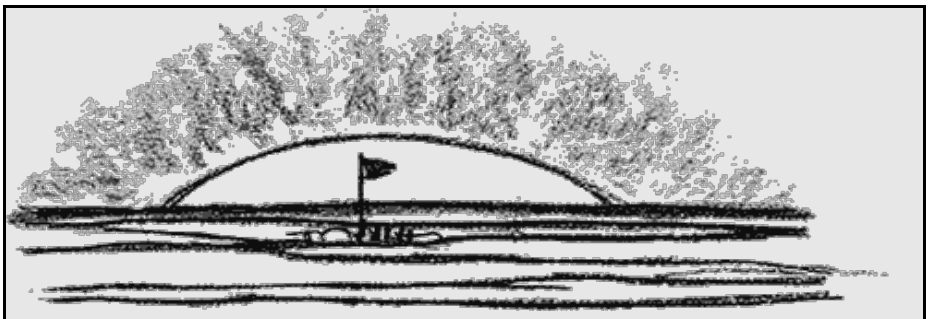
— Мне, Дмитрич, побольше!

— Мне полней!

— Мне ещё порцию!

Я думал, что хватит дня на четыре, а братки всю кастрюлю в один день очистили.





ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ…

3 февраля мы впервые после многих месяцев увидели солнце. Красное, большое, оно выглянуло из-за горизонта. Мы обрадовались.

Но ещё больше мы обрадовались, когда однажды ночью увидели вдали луч прожектора.

Первым его заметил Кренкель.

Мы уже спали.

Эрнст хотел было нас разбудить, но подумал:

«А вдруг это просто звезда? Ребята меня тогда засмеют».

С Женей Фёдоровым был однажды такой случай.

Мы были ещё на Северном полюсе. В то время совершались перелёты наших советских лётчиков в Америку. Пролетел над нами Чкалов, за ним пролетел Громов. Мы ждали самолёт Леваневского.

Из Москвы нам было передано:

«Следите!»

Мы всё время были в напряжении.

Однажды Женя Фёдоров увидел на горизонте яркий огонь и закричал:

— Товарищи! Леваневский, Леваневский!

Мы выскочили из палатки. А это оказался яркий свет планеты Венера.

Но звезда становилась всё светлей; всё ярче. Теодорыч решил: нет, это не звезда, это прожектор советского корабля. И давай нас будить:

— Товарищи, товарищи, смотрите, что там светится!..

Мы вышли, посмотрели. Ура! Помощь совсем близко — там, за льдами.

Я завёл патефон. Мы слушали любимую песню:

А потом к нам прилетел самолёт. Первый самолёт за девять месяцев! Лётчик ловко посадил машину на лёд. Я побежал к нему.

Это был Власов. Мы обнялись, расцеловались. От волнения оба не могли говорить. Только жали друг другу руки и всё обнимались.

Власов привёз нам письма, мандарины, пиво и улетел показывать кораблям дорогу к нашей льдине.

Утром мы в бинокль увидели: далеко за льдами темнеет дымок. Это пароходы. Они разводьями идут к нам. Женя и Пётр Петрович побрились, потом стали пересматривать нарту с тетрадями. Эта нарта нам была дороже жизни. На ней пятьдесят два килограмма исписанной бумаги. В этих тетрадках раскрыты тайны Северного океана и Северного полюса. Это наш подарок науке, нашей Родине.

«Таймыр» и «Мурман» подошли к нашему обломку.

Восемьдесят человек с пароходов бежали к нам с красным знаменем.

Мы вчетвером пошли к ним навстречу.

В море, у берегов безлюдной Гренландии, встретились советские люди. Моряки хотели было броситься к нам, обнять нас…

Но начальник экспедиции Остальцев скомандовал:

— Смирно!

Он подошёл ко мне, вытянулся.

— По заданию правительства корабли «Таймыр» и «Мурман» прибыли в ваше распоряжение! Жду приказаний!

После этого нас стали обнимать, целовать и качать. Каждый старался взять что-нибудь на память.

У меня оторвали кусок куртки.

У Кренкеля — кусок штанов.

Брали на память консервы, шоколад, промёрзшие, твёрдые, как кирпич, книги.

Сами берут и просят:

— Подари чашку!

— Сделай надпись на книжке!

— Подари бульонный кубик!

Я им сказал:

— Берите всё, только научные записи не трогайте.

Тут начались споры: на какой пароход нам пойти. Таймырцы говорят:

— Идите к нам, у нас для вас чистая ванна приготовлена.

А мурманцы нарочно придумывают всякие страшные вещи и пугают нас:

— Не ходите на «Таймыр», там у них клопы.

Куда же пойти? Решили бросить жребий. Написали — записочки, положили в шапку, внимательно следили, чтобы жульничества не было.

Мы с Кренкелем вытянули записки с надписью «Мурман», Ширшов и Женя — «Таймыр».

Весёлый, конечно, пошёл на «Мурман» вместе со мной.

Наконец всё наше имущество перенесли на корабли.

Я подошёл к Кренкелю:

— Теодорыч, передай последнюю радиограмму!

Кренкель передал рапорт о том, что работа станции «Северный полюс» кончается. Вот последние слова рапорта:

«Красный флаг нашей страны продолжает развеваться над ледяными просторами».

— Всё. Можно сниматься.

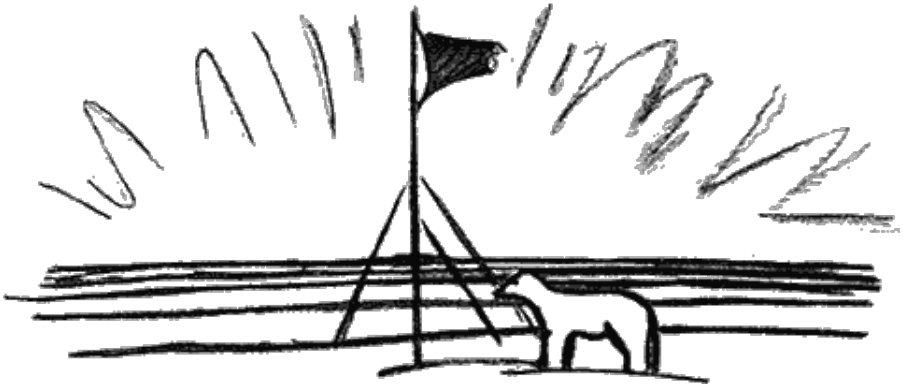
Кренкель выстукивал:

«Всем, всем, всем… 19 февраля 1938 года, 16 часов. Работу станции „Северный полюс“ кончаю».

Он оборвал провода. Мы пошли к пароходам.

Я вернулся, ещё лучше укрепил флаг, чтоб его не сорвало ветром, и догнал остальных.

Прощай, льдина!



Информация об издании

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Папанин Иван Дмитриевич

НА ПОЛЮСЕ

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор М. Д. Суховцева.

Технический редактор Л. В. Гришина. Корректор К. И. Каревская.

Подписано к печати с диапозитивов 26/VI 1970 г. Формат 60×90⅛. Печ. д. 6. (Уч. — изд. л. 3,5).

Тираж 300 000 экз. Цена 18 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер. 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1. Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Зак. 865.